

Н.В. Подпрятков

**Участие представителей нерусских народов
Советского Союза в боевых действиях
Второй мировой войны в противоборствующих армиях:
сравнительный анализ**

N.V. Podpryatov

**Participation of Non-Russian Soviet Peoples Representatives
in the Opposed Armies during the World War II:
Comparative Analysis**

Проводится сравнение численности национальных меньшинств СССР, привлеченных к службе в Советской армии и в германских вооруженных силах в годы Второй мировой войны.

Ключевые слова: военная служба, национальные меньшинства, коллаборационизм, национальные части, восточные легионы, военнопленные.

Одним из самых сложных и дискутируемых вопросов Второй мировой войны является проблема сотрудничества советских граждан с оккупационным режимом. Спорными являются и численность военнопленных, и количество коллаборационистов и т.д. Довольно часто в зарубежной и в отечественной литературе обращается внимание на большое количество советских граждан, воевавших на стороне Германии.

Для того чтобы провести корректное сравнение эффективности деятельности советского и германского правительств по привлечению представителей нацменьшинств к военной службе, как нам представляется, необходимо четко определить параметры этой эффективности. На наш взгляд, нельзя смешивать воинские части действующей армии и подразделения других силовых ведомств, в первую очередь внутренних дел. Хотя подразделения полиции и милиции могут и принимают при необходимости участие в боях с противником, но все-таки их основной задачей является поддержание порядка и безопасности внутри государства, а не борьба с внешним врагом. Следовательно, их участие в вооруженной борьбе необходимо рассматривать отдельно.

Кроме того, при анализе роли, которую сыграли национальные формирования в годы войны, нужно учитывать, что многие из них так и не были созданы, а многие хотя и были укомплектованы, однако участия в боевых действиях не принимали и были распущены по тем или иным причинам.

Всего в годы войны в Красной армии создавалось 17 отдельных национальных стрелковых бригад

This article compares the number of USSR national minorities served as combatants in the Soviet and Germany armies during the World War II.

Key words: military service, national minorities, collaboration, national units, eastern legions, prisoner of war.

(осбр) общей численностью около 70 тыс. чел.; 23 кавалерийские дивизии, насчитывавшие около 85 тыс. бойцов; а также 24 стрелковые дивизии, имевшие порядка 200 тыс. красноармейцев. Учитывая, что в соединениях, принимавших участие в боевых действиях, личный состав сменился в среднем четыре раза, можно полагать, что через все боевые национальные части и соединения прошло около 450–500 тыс. чел. (объясняется это тем, что большинство кавказских и среднеазиатских национальных формирований после больших потерь в 1942–1943 гг. пополнялись бойцами экстерриториально, т.е. без учета их национальной принадлежности).

Не все эти национальные формирования были укомплектованы окончательно. Большинство среднеазиатских национальных частей (две казахские, пять узбекских, одна таджикская, две киргизские, две туркменские кавалерийские дивизии и две таджикские, одна туркменская, шесть узбекских стрелковых бригад) были расформированы в 1942 г., не завершив своего формирования.

В боях участвовали 34 национальных соединения и части (осбр) (107-я киргизская, 110-я калмыцкая, 112-я башкирская, 115-я кабардино-балкарская кавдивизии, 87-я туркменская, 90 и 94-я узбекские, 100 и 101-я казахские осбр и др.) с общим числом бойцов порядка 250–300 тыс. чел. [1, л. 1–4, 6, 8; 2, л. 4, 8, 9, 21, 24, 25, 29; 3, л. 1–3, 5, 7, 42; 4, л. 20, 21; 5, л. 3, 5, 7, 8, 12, 13, 24, 33, 50, 51].

Национальная особенность данных формирований быстро сходилась на нет, так как в ходе ожесточенных боевых действий шел процесс быстрого выбытия

личного состава (смерть, ранения и т.д.), а новые пополнения давали солдат различных национальностей. Например, 101-я (казахская) осбр входила в состав 39-й армии. Участвовала в боях с 25 ноября 1942 г. по 22 января 1943 г., в ходе которых потеряла 744 чел. убитыми, 2544 ранеными, 113 пропавшими без вести [3, л. 5, 7, 14].

Поэтому уже весной 1943 г., после очередного пополнения, 101-я осбр потеряла свою национальную «окраску» из-за большого выбытия личного состава казахской национальности. На 1 апреля 1943 г. бойцы-казахи составляли только 20% всего личного состава дивизии, а к началу 1944 г. их численность в соединении уменьшилась еще в два раза [3, л. 1–3, 42].

С другой стороны, довольно часто в формированиях, не носивших название национальных, был значительный процент бойцов – представителей той или иной национальности. Так, 2650 призывников Азербайджана были направлены в 24-ю кавалерийскую дивизию (кд), составив большинство ее личного состава [6, л. 22].

В декабре 1941 г. началось формирование в Чкаловской области 195-й стрелковой дивизии (сд). Дивизия была смешанной по составу, формировалась не как национальная, т.е. не комплектовалась национальным военным комиссариатом, но по этническому составу примерно половина личного состава были казахами [7, л. 1, 2].

После ожесточенных боев лета 1942 г. в составе 60-й армии дивизия потеряла больше половины своего состава и была доукомплектована русскими, украинцами и представителями других национальностей, окончательно потеряв основной первоначальный национальный контингент [7, л. 58, 64, 78].

196-я стрелковая дивизия была также сформирована в декабре 1941 г. в Чкаловской области по директиве Ставки верховного главнокомандования. Рядовой личный состав на 80% был укомплектован казахами старших возрастов, впервые призванными в армию.

Дивизия вошла в состав 7-й армии (переименованной впоследствии в 62-ю армию) и вела бои под Сталинградом с 9 июля по 11 сентября 1942 г. Общие потери дивизии в ходе этих боев составили более 13 тыс. чел. 15 августа остатки дивизии в количестве 1560 чел. сосредоточились на станции Прудбой и приняли пополнение [8, л. 4, 7, 13, 14].

Национальный состав формирования претерпел кардинальные изменения, и дивизия даже отдаленно не напоминала национальную часть [8, л. 5, 6].

Анализ национального состава войск Крымского фронта весной 1942 г. позволяет сделать вывод, что в 51-й армии около половины ее бойцов являлись представителями нерусской и неукраинской национальностей. А на всем фронте из 137 тыс. военнослужащих доля представителей только закавказских националь-

ностей составляла 35%, а доля собственно русских военнослужащих едва достигала 40% [9, л. 8].

Значительную часть боевых действий против оккупантов вели советские партизаны. В партизанском движении национальных регионов только в 1944 г. принимало участие 400 тыс. чел., из них 373 тыс. в Белоруссии. Существовала даже Особая белорусская партизанская бригада [10, л. 58].

Конечно, среди партизан на территориях союзных и автономных республик было большое количество русских по национальности, процентное соотношение которых точно определить проблематично. В то же время участие жителей, представителей местных национальностей в партизанском движении против оккупантов также, несомненно, было значительным.

Приступив к созданию национальных частей летом 1941 г., советское руководство быстро поняло бесперспективность этого направления, и к лету 1942 г. данный этап был в целом завершен. Новые национальные части не создавались, а созданные превращались в многонациональные (кроме прибалтийских). Смешанные по национальному составу формирования оказались более устойчивы и действовали эффективнее, чем чисто национальные.

Так, в Башкирской АССР за годы войны было призвано в армию 560 тыс. чел., из которых около 223 тыс. чел. были башкирами по национальности. Здесь сформировали 6 стрелковых дивизий, 3 осбр, 11 отдельных полков смешанного состава. Таким образом, одновременно в армии находилось 80–100 тыс. жителей республики, а национальная часть была создана только одна – это 112-я кавалерийская дивизия, и в ее ряды попало 0,5% всех призывников Башкирии, или 3% всех нерусских жителей республики.

В Казахстане формировались 12 стрелковых, 4 кавалерийские дивизии, 4 осбр и другие части. Общее количество призывников за годы войны достигло 1 870 тыс. чел. [11, с. 168]. Одновременно в армии, главным образом в смешанных по национальному составу формированиях, служило до 200 тысяч бойцов, в то время как в национальных соединениях было не больше 7,5% от общего числа призывников данной республики.

В Красной армии одновременно служили более миллиона бойцов украинской национальности, а всех представителей других национальных республик и областей – более 3 млн. Только в национальных формированиях в 1942 г. насчитывалось около 300 тысяч военнослужащих, что составляло примерно 10% всей численности нерусских бойцов, или 4–5% от общей численности военнослужащих в армии на тот период (подсчет наш. – *Н.П.*).

Всего же за годы войны в ряды Красной армии было привлечено 11–13 млн солдат из представителей коренных народов национальных республик.

Германское руководство в этом вопросе имело потенциал не намного меньший, чем советские руководители. Только за 1941 г. немцам удалось взять в плен 3,9 млн советских бойцов, из которых за первый же год погибло около 2 млн. К концу лета 1942 г. немцы оккупировали территории преимущественно национальных республик, с численностью жителей от 60 до 80 млн чел., что составляло почти 40% всего населения Советского Союза. Следовательно, Германия могла привлечь к службе в вермахте десятки миллионов советских граждан нерусской национальности.

Однако А. Гитлер, Г. Геринг, Й. Риббентроп были категорически против признания каких-либо прав нерусских народов СССР на самостоятельное национально-государственное строительство и тем более на формирование национальных частей. В годы войны эта позиция не менялась. Гитлеровская верхушка вынуждена была идти на уступки своим военным и ведомству Г. Гимmlера из-за давления обстоятельств, и в первую очередь огромных людских потерь на фронте. Некомплект в армии достигал в мае 1942 г. уже 965 тыс. чел. [12, с. 29].

Первой приступила к созданию национальных формирований германская армия. Национальные части вермахта формировались с конца 1941 г. до конца 1943 г. из представителей народов Кавказа, Средней Азии, Поволжья, т.е. из тех национальностей, чьи территории не были захвачены немецкими войсками, и, следовательно, они в силу объективных причин не могли быть многочисленными. Всем процессом формирования национальных легионов руководил с начала 1942 г. штаб командования восточными войсками [13, с. 7].

В 1941–1942 гг. германское руководство привлекло к службе во всех видах военизированных формирований 750 тыс. чел., что составило 39% от всех военнопленных. Среди этих коллаборационистов около 100 тыс. чел. были сосредоточены в национальных легионах, или чуть более 13% от всех советских граждан, сотрудничавших с гитлеровцами [14, с. 213; 15, с. 22].

В то же время эти национальные формирования составляли только 10% от всех нерусских военнопленных и 2,5% от общего состава вермахта, который насчитывал в то время около 4 млн солдат и офицеров.

Все национальные формирования в немецкой армии не выросли больше батальона, насчитывали 500–800 чел. и не имели частей обеспечения – артиллерии, связи, саперов и т.д., т.е. всего того, что делает формирование полноценной самостоятельной боевой единицей.

Из почти 150 батальонов вермахта на фронт было послано менее половины национальных формирований, около 30 тыс. чел., что составило только 0,75% от общей численности действующей на Восточном

фронте немецкой армии. А остальные батальоны использовались в карательных целях, сражались с партизанами, т.е. они фактически выполняли полицейские функции. Так, в полосе действий групп армий «А» и «Б» в 1942 г. у немцев было использовано 25 восточных батальонов. Основная часть из них занималась тыловым охранением, а непосредственно на фронт попали только 15 батальонов [13, с. 9]. От общей же численности немцев в этом регионе (900 тыс. чел.) национальные формирования составляли не более 1–2%. А, к примеру, из 200 тыс. военнопленных представителей коренных народов Средней Азии в национальных легионах (26 батальонов) было около 20 тыс. чел., т.е. около 10% от молодых мужчин призывного возраста.

В набранных немцами восточных батальонах был чрезвычайно высок процент дезертиров. Так, 55% формирований из народов Поволжья были ликвидированы самими немцами или же перешли на сторону Красной армии, а боевая ценность оставшихся была очень низкой, и поэтому в боевых действиях их никогда не использовали. Также неустойчивыми оказались легионы из представителей народов Закавказья.

Примерно четверть всех созданных национальных полевых батальонов и отправленных на фронт отказались воевать на немецкой стороне [16, л. 11–14, 28–31; 17, с. 43, 44]. И это в условиях поражений Красной армии и ее отступления в 1942 г. Когда же советская сторона перехватила стратегическую инициативу, восточные батальоны (в том числе и национальные) были вообще сняты с Восточного фронта и переброшены на Запад.

Но и в Западной Европе, в условиях относительно спокойной службы и отсутствия напряженных боевых действий, национальные батальоны проявляли поразительную неустойчивость и стремление покинуть ряды германских войск. К концу сентября 1944 г. немцы потеряли на Западе значительную часть своих восточных легионов. При этом более 90% всех этих потерь на Западе составили дезертиры и перебежчики! В 1944 г. штаб формирований восточных войск был ликвидирован, а сами восточные батальоны переформированы в строительные подразделения [13, с. 12].

В 1943 г. другое германское ведомство – СС – приступило к созданию собственных национальных соединений. Это были четыре дивизии СС (14-я украинская, 15 и 19-я латышские и 20-я эстонская), созданные на базе полицейских формирований. Общее количество бойцов национальных войск СС достигло максимума в 1944 г. и составило около 70 тыс. чел. [18, с. 220, 222, 223, 225–228].

Прибалтийский регион вошел в состав СССР только за год до начала Великой Отечественной войны, т.е. был слабо советизирован. В течение почти

всей войны он находился под немецкой оккупацией, а Германскому руководству было проще использовать резервы призывников из той же полиции, из числа мобилизованной молодежи. Но немцы создали здесь во второй половине войны только две латышских и одну эстонскую дивизии СС. В то же время Красная армия с самого начала войны имела в своем составе две эстонских, одну латышскую дивизии, а затем еще одну латышскую и одну литовскую стрелковую дивизию.

В эстонских формированиях СС в 1942 г. было около 15 тыс. военнослужащих в 1944 г., в Советской армии только в национальных дивизиях сражались 24 тыс. чел. К примеру, из литовцев немцам вообще

не удалось сформировать ни одного крупного соединения.

Таким образом, несмотря на достаточно внушительную абсолютную численность национальных формирований из граждан СССР в германских вооруженных силах, их процентное соотношение как к общей численности вермахта, так и к количеству собственно нерусских народов, оказавшихся в распоряжении немецкого руководства, выглядит отнюдь не так впечатляюще. По крайней мере это процентное соотношение оказалось намного ниже, чем у Советской армии. Поэтому можно говорить о более высоком уровне эффективности советской национальной политики.

Библиографический список

1. Центральный архив министерства обороны (ЦАМО). – Ф. 3552. – Оп. 1. – Д. 1.
2. ЦАМО. – Ф. 3618. – Оп. 1. – Д. 6.
3. ЦАМО. – Ф. 1919. – Оп. 1. – Д. 1.
4. ЦАМО. – Ф. 224. – Оп. 763. – Д. 1.
5. ЦАМО. – Ф. 3624. – Оп. 1. – Д. 1.
6. ЦАМО. – Ф. 216. – Оп. 1144. – Д. 1.
7. ЦАМО. – Ф. 1453. – Оп. 1. – Д. 1.
8. ЦАМО. – Ф. 1455. – Оп. 1. – Д. 2.
9. ЦАМО. – Ф. 215. – Оп. 1185. – Д. 18.
10. Центральный государственный архив социально-политической истории (ЦГА СПИ). – Ф. 69. – Оп. 1. – Д. 19.
11. Абишев Г. Казахстан в защите социалистического Отечества. – Алма-Ата, 1969.
12. Мюллер-Гиллебрандт Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945. – М., 1976. – Т. III.
13. Дробязко С.И. Вторая мировая война 1939–1945. Восточные легионы и казачьи части в вермахте. – М., 1999.
14. Николаевский Б. Пораженчество 1941–1945 года и генерал А.А. Власов // Новый журнал. – XVIII. – Нью-Йорк, 1948.
15. Толстой Н. Жертвы Ялты. – Париж, 1988.
16. ЦГА СПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 165.
17. Крикунов В.П. Под угрозой расстрела или по доброй воле? // Военно-исторический журнал. – 1994. – №6.
18. Уильямсон Г. СС – инструмент террора. – Смоленск, 1999.